

ПРОЛОГ

БОББИ ДРАПЕР

«Тысяча миров, — размышляла Бобби, глядя, как закрываются двери „трубы“. — Нет, не просто миров — систем. Солнца. Газовые гиганты, пояса астероидов... Все, к чему стремилось человечество, только в тысячекратном размере».

Экран над сиденьями напротив переключился на новости, но динамик не работал, голоса диктора было не разобрать. Впрочем, хватало и картинок, которые всплывали рядом с его лицом. Новые данные с зондов, прошедших за врата. Там были изображения незнакомых звезд, окружности, обозначающие орбиты новых планет. Пустых. Те, кто в глубине времен создал протомолекулу и запустил ее к Земле, не откликнулись на вызов. Строитель врат открыл путь, но никаких могучих богов там не обнаружилось.

«Потрясающе, — думала Бобби, — как быстро человечество переходит от мысли „Какой невообразимый разум создал эти душераздирающие чудеса?“ к „Ну, раз уж здесь никого нет, нельзя ли мне пожить их барахлишком?“».

— Простите, — произнес хриловатый мужской голос, — не найдется ли у вас мелочи для ветерана?

Она отвела взгляд от экрана. Тощий человек с серым лицом. Телосложение выдавало, что детство он провел при низкой гравитации: у него было длинное туловище и большая голова. Облизнув губы, мужчина подался вперед.

— Так вы ветеран? — спросила Бобби. — Где служили?

— На Ганимеде, — ответил попрошайка и отвел взгляд, стараясь держаться с достоинством. — Был там, когда все

пошло кувырком. А как вернулся сюда, власти меня вышвырнули. Хочу накопить на билет до Цереры, у меня там семья.

В груди у Бобби заклокотала ярость, но голос и лицо остались спокойными — хотя это и стоило ей немалого труда.

— Вы обращались в Союз ветеранов? Они могли бы помочь.

— Мне же нужно что-то есть! — Голос человека стал неприятным. Бобби оглядела вагон. В это время в «трубе» народу немного. Вакуумные трубы соединяли все окраины залива Авроры. Великий марсианский проект терраформирования начался еще до рождения Бобби и продолжится после ее смерти. Сейчас в вагоне было пусто. Она прикинула, как выглядит в глазах нищего. Крупная женщина, высокая и коренастая — но когда сидит, да еще в своем мешковатом свитере, этого не заметно. Нищий мог принять ее мышцы за жир. Если так, то он ошибся.

— В какой части служили? — спросила она.

Человек моргнул. Женщине полагалось бы его опасаться, и спокойствие Бобби его насторожило.

— В части?

— Да, где вы служили?

Он снова облизнул губы.

— Я не собираюсь...

— Забавно, — перебила Бобби. — Я бы поручилась, что знала почти всех, кто служил на Ганимеде перед началом заварушки. Когда через такое пройдешь, волей-неволей запомнишь. Когда видишь, как друзья гибнут. Вы в то время в каком чине были? Я — сержант артиллерии.

Серое лицо побелело. Мужчина поджал губы, засунул руки поглубже в карманы и что-то забормотал.

— А сейчас? — продолжала Бобби. — Я тридцать часов в неделю работаю в Союзе и вполне уверена, что мы сумеем помочь такому выдающемуся ветерану, как вы.

Он отвернулся, но отойти не успел — она перехватила его за локоть. Нищий скривился от страха и боли. Бобби тщательно выбирала слова, произносила их раздельно и внятно:

— Придумай. Другую. Байку.

— Да, мэм, — отозвался нищий. — Слушаюсь. Придумаю!

Вагон дернулся, тормозя перед первой станцией Брич-Кэнди. Бобби выпустила попрошайку и встала. У мужчины чуточку округлились глаза. Ее генетическая линия восходила к Самоа, и внешность Бобби порой производила определенное впечатление на неподготовленных людей. Иногда это огорчало Бобби. Но не сейчас.

Ее брат жил в добротной уютной норе в Миддл-Кэнди, недалеко от нижнего университета. Бобби, вернувшись на Марс, остановилась у него. Она до сих пор собирала осколки разбитой жизни. Процесс шел медленнее, чем она ожидала. В результате она, кроме всего прочего, чувствовала себя в долгу перед братом. Семейные ужины были одним из способов вернуть долг.

Коридоры Брич-Кэнди не отличались роскошью. Реклама на стенах переключилась при ее приближении — распознала лицо и теперь предлагала те товары и услуги, которые, предположительно, могли ее заинтересовать. Служба знакомств, спортивные союзы, кебаб навынос, новый фильм Мбеки Суна, психологические консультации. Бобби старалась не принимать это на свой счет, но все же ей хотелось бы, чтобы рядом оказались другие прохожие — они внесли бы некоторое разнообразие. И позволили бы думать, что предложения адресованы кому-то другому. Не ей.

Но и в Брич-Кэнди было пусто. В «трубе» народа наблюдалось меньше обычного, в коридорах — тоже, и в программах Союза ветеранов значилось меньше участников. Она слышала, что в верхнем университете на шесть процентов снизилось число абитуриентов.

Человечество еще не основало в новых мирах ни единой колонии, но хватило и данных с зондов. Появился новый фронт — новый конкурент Марса.

Едва Бобби открыла дверь, воздух наполнился густым ароматом приготовленного невесткой гамбо¹. Глотая слюнки, Бобби стала прислушиваться к громким голосам брата и племянника. Под ложечкой засосало, но ничего не поделаешь — родня. Она их любит. Она им обязана. Даже если в их обществе мысль о кебабе навынос становится ужасно соблазнительной.

¹ *Гамбо* — американское блюдо, густой суп со специями, похожий на рагу. — *Здесь и далее примеч. пер.*

— Я не о том говорю! — кричал племянник. Он учился в верхнем университете, но во время семейных ссор в его голосе прорезывались нотки шестилетки.

Брат загудел в ответ. Бобби уловила постукивания пальцев по столу — словно точки между доводами. Барабанный бой как риторический прием. Их отец тоже так делал.

— Марс — не один из вариантов. — Стук. — Не запасной вариант. — Стук. — Эти врата и все, что за ними, нам не дом. Усилия, потраченные на терраформирование...

— Я не против терраформирования, — начал ее племянник, когда Бобби вошла в комнату. Невестка молча кивнула ей из кухни. Бобби ответила кивком. Столовая открывалась в большую гостиную, где с отключенным звуком шли новости: далекие пейзажи незнакомых планет и среди них чернокожий красавец в очках с проволочной оправой. — Я только говорю, что мы узнали много нового. Новые данные. Только об этом я и толкую.

Отец и сын склонились над столом так, словно на нем лежала невидимая шахматная доска. Словно оба сосредоточились на интеллектуальной игре и уже не замечали ничего вокруг. Во многом так оно и было. Бобби подвинула себе стул, а никто из них даже не заметил ее прихода.

— Марс, — доказывал ее брат, — наиболее изученная из планет. И не важно, сколько новых данных вы получили, — к Марсу они не относятся. Не относятся! Скажи еще, что, пересмотрев тысячу картинок других столов, ты больше узнаешь о том, за которым мы сидим!

— Знания — это всегда хорошо, — ответил племянник, — ты сам все время говорил. Не понимаю, с какой стати ты теперь стал думать иначе.

— Как у тебя дела, Бобби? — резко спросила невестка, ставя на стол миску. Рис с перцем — гарнир к гамбо, способ напомнить, что у них гостья. Мужчины недовольно поморщились.

— Хорошо, — ответила Бобби. — Контракт с верфью прошел. Он обеспечит много рабочих мест для ветеранов.

— Потому что строятся новые исследовательские и транспортные корабли, — сказал племянник.

— Дэвид!

— Извини, мам, но так и есть, — не смутился Дэвид. Бобби положила себе риса. — Все корабли, которые пригодны для переоборудования, уже оснастили, а теперь строят новые. Чтобы люди могли добраться до новых систем.

Брат, накладывая на тарелку рис, хмыкнул, выражая презрение к словам сына.

— Первая научная экспедиция еще не долетела до ближайшего из этих миров...

— Люди уже живут на Новой Терре, папа! Беженцы с Ганимеда... — Он осекся и бросил на Бобби виноватый взгляд. О Ганимеде за столом старались не вспоминать.

— Экспедиция еще не высадилась, — повторил брат. — До появления настоящих колоний — годы и годы.

— А до первой прогулки по поверхности Марса — поколения! У нас ни хрена нет магнитосферы!

— Следи за языком, Дэвид!

Вернулась невестка. Гамбо был густым и ароматным, на поверхности плавала масляная пленка. От запаха у Бобби потекли слюнки. Невестка поставила суп на подставку из шифера и вручила Бобби половник.

— Как тебе новая квартира? — спросила она.

— Мило, — ответила Бобби, — и недорого.

— Не нравится мне, что ты поселилась в Иннис-Холлоу, — заметил брат. — Ужасный район.

— Вряд ли кто-нибудь рискнет приставать к тете Бобби, — вставил племянник. — Она им головы оторвет.

Бобби усмехнулась:

— Обычно хватает строгого взгляда...

Гостиная внезапно осветилась красным. Новости прервались. Яркие баннеры вспыхнули в верхней и нижней части экрана. На зрителя серьезно смотрела женщина-землянка. За ее спиной бушевал пожар. Потом появился снимок старого корабля колонистов. Черные буквы на фоне белого пламени сложились в слова: «Трагедия на Новой Терре».

— Что случилось? — спросила Бобби. — Ну, *что случилось?*

ГЛАВА 1

БАСЯ

Когда-то Бася Мертон был мягким человеком — не из тех, кто мастерит мины из шахтной взрывчатки и пустых бочонков из-под смазки.

Сейчас он вытащил следующую из маленькой мастерской за домом и покатил к электрокартам Первой Посадки. Короткий ряд домов, протянувшийся к северу и к югу, скоро обрывался, дальше до горизонта лежала темная равнина. От шагов на поясе у Баси раскачивался фонарик, отбрасывая на пыльную землю причудливые тени. Мелкий инопланетный зверек заухал на человека из-за границы светлого круга.

Ночи на Илосе¹ — Бася не звал планету Новой Террой — были очень темные. Тринадцать крошечных, с низким альбедо, лун располагались на одной орбите так равномерно, что все считали их артефактами иной цивилизации. Каково бы ни было их происхождение, эти спутники для человека, выросшего среди огромных сателлитов Юпитера, больше походили на захваченные планетой астероиды, чем на настоящие луны. После захода солнца они и не думали ловить и отражать его свет. Ночную жизнь здесь вели в основном мелкие птицы и ящерицы — вернее, твари, которых новое гуманоидное население окрестило птицами и ящерицами. С земными тезками их роднило только поверхностное сходство и углеродный состав тел.

¹ *Илос*, или Ил, — мифический основатель Трои-Илиона.

Бася, крикнув от натуги, взвалил бочонок на тележку и через секунду услышал эхо своего голоса. Любопытная ящерка-пересмешник подобралась к самой границе светового круга и поблескивала оттуда глазками. Она снова крикнула, помотав широкой, кожистой лягушачьей головой, — воздушный мешок под горлом вздулся и опал. Секунду животное выжидало, но, не дождавшись отклика, уползло в темноту.

Бася вытащил из ящика с инструментами эластичные ремешки и принялся крепить бочонки к днищу карта. От падения на землю взрыва не случится. Это если верить Купу, но экспериментировать Басе не хотелось.

— Бась, — позвала Люсия.

Он вспыхнул от смущения, как ребенок, попавшийся на краже конфет. Люсия знала, чем он занимается, — он никогда не умел ей врать. Но Бася надеялся, что она побудет в доме, пока он работает. От одного ее присутствия в голове вспыхнула мысль, хорошо ли он поступает. Если хорошо, то почему ему стыдно перед Люсией?

— Бась, — повторила она. Без настойчивости. И в голосе слышалась грусть, а не гнев.

— Люси, — ответил он, обернувшись. Она стояла на границе света, стягивая на тонкой фигурке белый халат, — ночь была холодная. Лицо казалось темным пятном.

— Фелисия плачет, — сказала она без укора в голосе. — Она за тебя боится. Зайди, поговори с дочкой.

Бася отвернулся и туже затянул ремень на бочонке, пряча от нее лицо.

— Не могу. Они близко, — сказал он.

— Кто? Кто близко?

— Ты знаешь, о ком я. Если не дать им отпор, они заберут все, что мы здесь сделали. А так мы выигрываем время. Без посадочной площадки им придется садиться на маленьких челноках. Поэтому мы уничтожим посадочную площадку. Пусть они восстанавливают. Люди не пострадают.

— Если дела пойдут плохо, — сказала она, — мы сможем улететь.

— Нет! — Ярость в собственном голосе удивила Басю. Обернувшись и шагнув к жене, он осветил ее лицо. Она плакала. — Хватит улетать. С Ганимеда улетели — бросили Катоа и улетели, и моя семья год жила на корабле, потому что никто не давал разрешения на посадку. Больше убежать не будем. Никогда. Больше они не отберут у меня детей.

— Я тоже тоскую по Катоа, — сказала Люси, — но эти люди его не убивали. Тогда шла война.

— Бизнес. Они заботились о бизнесе, начали войну и отобрали у меня сына.

«А я им позволил, — не сказал он. — Я забрал тебя, Фелисию и Яцека, а Катоа бросил — думал, что он погиб. А он оставался жив».

Слишком больно было бы выговорить эти слова, но Люси все равно услышала.

— Ты не виноват.

«Виноват!» — подступило к горлу, но Бася проглотил и это слово.

— У них нет никаких прав на Илос, — произнес он, стараясь, чтобы сказанное прозвучало рассудительно. — Мы первыми сюда пришли. Мы застолбили участок. Мы добудем первую партию лития, заработаем и сможем нанять адвокатов, чтобы отстаивать свои права. Но если к тому времени корпорация пустит здесь корни, ничто не поможет. Нам нужно время.

— За это, — сказала Люсия, — тебя посадят в тюрьму. Подумай о нас, о своей семье.

— Я ради семьи это и делаю, — мягко ответил он. Прозвучало хуже, чем если бы он крикнул. Бася взобрался на сиденье водителя и вдавил педаль газа. Карт с визгом рванул с места. Мужчина не оглядывался — не мог оглянуться и увидеть Люси. — Ради моей семьи, — повторил он.

Бася гнал карт от дома к барачному поселку, который привыкли называть Первой Посадкой с того времени, как выбрали место на компьютерной карте «Барбапикколы». Когда мечта превратилась в реальность, никто не потрудился подобрать новое название. Проехав центр — два ряда сборных домиков, — Бася выбрался на широкий участок ровной земли, заменявший

шоссе, и свернул к месту первой высадки. Беженцы-колонисты спускались на Илос на маленьких челноках. Для приземления подошла только эта широкая открытая площадка. Но люди из «Роял-Чартер-Энерджи» — люди корпорации, получившей от ООН лицензию на разработку нового мира, — прилетят с тяжелым оборудованием. Для массивных грузовых модулей нужен настоящий космодром. Потому он и был построен на том самом месте, где высаживались первые колонисты.

Бася видел в этом оскорбление. Вторжение в святыню. Место первой высадки — не простое место. Когда-то он представлял себе, что когда-нибудь тут разобьют парк, поставят памятник первопроходцам нового мира. А РЧЭ уложила поверх их площадки гигантского блестящего монстра. Хуже того, люди из корпорации нанимали для строительства колонистов, и нашлось достаточно таких, кто охотно взялся за работу.

Это все равно что тебя стирают со страниц истории.

Скотти с Купом ждали Басю на новом космодроме. Скотти сидел на краю металлической платформы, свесив ноги, покуривая трубку и поплеывая на землю. Маленький электрический фонарь, горевший рядом, раскрашивал человека в жутковатые зеленые тона. Куп стоял поодаль, скалил зубы, глядя в небо. Куп был астером старой школы, и борьба с агорафобией давалась ему труднее, чем другим. Тонколицый мужчина упорно таранился в бездну, заставляя себя к ней привыкать, — так мальчишка, стиснув зубы, вытаскивает занозу.

Бася подвел карт к краю платформы и, соскочив, принялся отстегивать ремни, удерживавшие на месте бочки-мины.

— Как насчет помочь? — спросил он. Илос был большой планетой с гравитацией выше одного g . Даже после шести месяцев медицинской обработки, ускорявшей рост костей и мускулов, тело казалось слишком тяжелым. При мысли, что бочонки придется перекладывать на землю, у Баси заранее ныли плечи.

Скотти соскользнул с края платформы и приземлился на полтора метра ниже. Отбросив со лба сальные черные волосы, он еще раз затянулся трубкой. До Баси долетел острый, как от скусна, запах гидропонного каннабиса, смешанного с табаком